

СОЦИОЛОГИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

О.А. СИМОНОВА

К ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИОЛОГИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Постановка проблемы

Каждая встреча в социологическом тексте с понятием «идентичность» побуждает задуматься над истоками популярности одного из самых неясных терминов, о значении которого в социологическом сообществе пока согласия нет. Можно ли ожидать, что согласие появится? Можно ли говорить о формировании в социологии особого направления исследований идентичности? Действительно ли это понятие обладает широкими объяснительными возможностями при изучении процессов современного общества или его распространение не более чем дань интеллектуальной моде? Можно ли отыскать социальные или интеллектуальные причины того, что ученые и обычные люди стали размышлять о себе, о человеке и обществе в терминах идентичности?

Распространение в научной среде это понятие получило благодаря психологическим и антропологическим исследованиям американского психолога Э.Г. Эриксона в 1940–1950-е гг., после чего термин стал необычайно популярен. В 1975 г. Э.Г. Эриксон писал: «Концепты идентичности скорее находятся в обыденном мышлении или, в любом случае, в словаре широкого круга читателей разных стран — не говоря уже об их появлении в карикатурах, которые отражают интеллектуальную моду» [19, р. 17–18]. С тех пор в США и Западной Европе это понятие вошло не только в научный дискурс, но и в повседневное мышление.

Симонова Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Государственного университета – Высшая школа экономики. **Адрес:** 125319 Москва, Кочновский проезд, д. 3, ком. 436. **Телефон:** (495) 152-02-31. **Электронная почта:** olgsimon@bk.ru

В России в последние пятнадцать лет появилось множество работ, где используется понятие «идентичность». Их тематика настолько разнообразна, что исчерпывающе представить ее вряд ли возможно. Однако в работах нечасто можно найти детальное пояснение, что понимается под идентичностью. Авторы пользуются этим термином так, как будто его значение давно стало очевидным, а между тем это далеко не так.

Социологи охотно приняли концепцию социальной идентичности, под которой понимают совокупность отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т. д. Если традиционно понятие идентичности относилось к личности как субъекту действия, то теперь его значение расширилось. Вместо «коллективных представлений» и «группового мышления» стали говорить о коллективной, или групповой идентичности. Наряду с личностной идентичностью социальная идентичность считается важным регулятором самосознания и социального поведения. Почему это понятие употребляют наряду с понятиями социальной роли, социального статуса, личности, индивида, субъекта действия? Для чего различают личностную и социальную идентичности, хотя совершенно ясно, что личностная идентичность невозможна без участия личности в социальных общностях? Даже в обзорах по истории социологии появляется понятие идентичности, хотя авторы включенных в обзоры трудов этим термином не пользовались. Например, Х. Абельс, рассматривая концепцию Дж. Г. Мида, пишет: «Понятие *self* вполне можно перевести термином *идентичность*. Идентичность возникает, если импульсивное и рефлексивное Я находятся в постоянном устойчивом взаимодействии. Идентичность есть постоянный диалог, в котором индивид общается с самим собой, т. е. с обеими “половинками” своей личности. Если обе стороны Я находятся в гармоничном равновесии друг с другом, мы говорим о состоявшейся личности» [1, с. 41]. Здесь не совсем понятно, почему нужно было вводить термин «идентичность» для передачи «*self*».

Быть может, это понятие как результат взаимовлияния социологии и психологии позволяет объяснить то, что невозможно объяснить средствами каждой из наук в отдельности. Если это понятие обладает широкими объяснительными возможностями при изучении процессов современного общества и его распространение — это нечто большее, чем простая дань интеллектуальной моде, тогда не стоим ли мы на пороге формирования в социологии особого направления исследований идентичности? Но если надежды на объяснительные возможности понятия идентичности завышены, а если так, то стоит ли умножать сущности?

Нам представляется, что сложившуюся ситуацию целесообразно подвергнуть критической рефлексии.

Содержание и краткая история понятия

В разных трактовках понятием «идентичность» обозначается целый ряд феноменов индивидуального сознания и характеристик социальных общностей. Однако при всей специфичности каждой трактовки в них есть общие моменты: во-первых, все они возникают на стыке психологии, антропологии и социологии или появляются в результате отдельных психологических, антропологических и социологических исследований; во-вторых, это понятие, как правило, фиксирует единство внутриличностных и социально-культурных процессов. Согласно энциклопедии «Культурология XX век», идентичность — это «психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самоидентичности и целостности» [10]. Это представление — результат идентификации человека с различными социальными категориями: социальным статусом, полом, возрастом, ролью, нормой, группой, культурой и др. По мере усвоения индивидом социокультурных образцов, норм, ценностей, принятия и усвоения социальных ролей во взаимодействиях с другими людьми его самоидентификация изменяется, и в основном идентичность складывается к концу юношеского возраста. Приведенная трактовка близка к понятию *психосоциальная идентичность* Э. Эриксона [17], который, по-видимому, был первым, кто специально занялся изучением идентичности и стал широко употреблять этот термин, используя его в своих психологических, антропологических и исторических исследованиях¹.

Эриксон понимает под идентичностью одновременно и субъективное чувство, и объективно наблюдаемое качество личностной тождественности и непрерывности, сопряженное с некоторой верой в тождественность и непрерывность разделяемого с другими образа мира. Как объективно наблюдаемое качество неосознанного бытия оно может быть особенно очевидным в молодом человеке, который осознает себя по мере нахождения *своего* круга общения. «В молодом человеке мы видим зарождение уникального соединения телесного облика и темперамента, одаренности и ранимости, инфантильных моделей поведения и приобретенных идеалов — со свободой выбора, которая будет реализовываться в доступных социальных ролях, профессиональном

¹ Э.Г. Эриксон стал известен, прежде всего, как автор книги «Детство и общество» (1949), которая появилась в результате исследования жизни американских индейцев. Он совмещал занятия частной психоаналитической практикой и работу в психиатрических клиниках, а также в психологических лабораториях, например, в Гарварде вместе с К. Левином («Идентичность: юность и кризис»). При этом он считается общепризнанным родоначальником «психоистории» («Молодой Лютер», «Истина Ганди»).

поле, в рамках предлагаемых обществом ценностей, заповедей учителей, образцах дружбы и первых сексуальных контактах» [19, р. 18–19]. Идентичность здесь — стержень, вокруг которого строится жизнь личности, и индикатор ее психосоциального равновесия. Равновесие дает ощущение устойчивости и непрерывности своего Я во времени и пространстве, его включенности в социальные общности, тождества личного и социально-принятого типов мировоззрения.

В содержание социальной идентичности обычно включаются особенности культуры, этнические характеристики группы, ее обычаи, религия, нравственные императивы, специфика материально-экономической деятельности, объединенные понятием присущих общности и эпохе способов организации опыта. Психосоциальная идентичность — это не столько качество или состояние, сколько непрерывный процесс приобретения все новых психосоциальных характеристик, каждая из которых становится ключевой на определенном этапе жизненного цикла, внося свой вклад в оформление личностного тождества. В связи с этим нужно отметить, что не менее популярно и понятие «кризиса идентичности». Это нормативный процесс, который возникает по мере взросления человека и в зрелом возрасте в связи с социальными изменениями, освоением новых видов деятельности, новых социальных ролей. Такой кризис может приобретать массовый характер.

Таким образом, в понятие идентичности Эриксон вкладывал следующие смыслы:

- осознание себя как индивида в данном телесном облике, окруженно-го определенными значимыми другими в своей культуре и обществе, то есть осознание своей индивидуальности;
- чувство целостности собственной личности, непрерывности биографии;
- идентификация в разных сферах социального опыта и осознание своей принадлежности к различным социальным группам;
- выделение значимой характеристики личности для определенного исследования, например, «профессиональная идентичность»;
- способ размышлять о человеке в современном обществе.

Эти эриксоновские смыслы широко представлены в современных исследованиях идентичности (см., напр.: [3, 7, 13, 16, 18, 21]).

Безусловно, история представлений об «идентичности» начинается задолго до работ Эриксона, поскольку многие авторы описывали ее, не всегда употребляя сам термин. Рассмотрим некоторые важные вехи из истории происхождения и использования понятия личностной идентичности. Его происхождение точно не установлено. Возможно, первым терминологически в интересующем нас смысле его употребил З. Фрейд, обсуждая в одном из публичных выступлений свою этническую принадлежность [15, с. 29–30]. По другой версии термин восходит к У. Джемсу, который, однако, не употреблял слово

«идентичность». «Субъективно вдохновенное ощущение тождества и целостности, собственной активности и жизненной силы» он называл *характером* [15, с. 28]. Эриксон утверждает, что впервые услышал термин «идентичность» от Пола Федерна, который трактовал его как чувство Я, континуум образов Я в разные периоды жизни [19, р. 23], что впоследствии и было взято им на вооружение.

Параллельно личностной целостностью (идентичностью) занимались американские антропологи, изучавшие взаимодействия культуры и личности. Многие из них находились под прямым влиянием идей З. Фрейда. Поэтому, с нашей точки зрения, понятия «базисная структура личности» или «базисный тип личности» А. Кардинера обнаруживают влияние идей Фрейда и его последователей. Эта концепция развивалась параллельно с теорией Эриксона, в которой также реализовывался потенциал открытий Фрейда, но с акцентом на социальных и культурных переменных. И поэтому Эриксон и многие другие антропологи наряду с социально-психологическими аспектами идентичности учитывали роль семьи и воспитательных практик, а также роль исторической ситуации в формировании идентичности.

«Базисная структура личности» складывается под влиянием доминирующих в данной культуре методов воспитания, определяющих установки индивидов по отношению к таким важным аспектам жизнедеятельности, как сексуальность, агрессия, организация семьи, взаимодействие с другими людьми и т. д. Базисный тип личности — совокупность склонностей, установок, предрасположений и особых черт характера, свойственных большинству индивидов того или иного общества. Базисный тип личности организуется вокруг центральных проблем адаптации. Это уже не только совокупность внешних поведенческих черт и привычек, как у Фрейда, но «глубинная», динамичная структура личности, которая может внешне проявляться очень по-разному и складывается в значительной степени неосознанно, соответственно, базисные структуры личности находятся в области бессознательного.

Впоследствии на смену этому понятию пришли «национальный характер» (М. Мид), «модальная личность» (К. Дюбуа), «статусная личность» (Р. Линтон), «социальный характер» (Э. Фромм). Фромм наряду с социальным характером различал и персональную идентичность, которая формируется в процессе индивидуализации человека. Она есть следствие обособления человека от сил природы и других людей, что становится возможным лишь в современном обществе. Фромм видел в конфликте между персональной и социальной идентичностями конфликт между социальным характером и индивидуальной свободой. Он критиковал позицию Эриксона с точки зрения экзистенциальной философии, полагая, что тот ратует за подчинение формирования идентичности приспособлению к индустриальному обществу, тогда как продуктивный социальный характер и подлинная

идентичность предполагают свободу, спонтанность, творчество, а не пассивность и зависимость, свойственные личности, живущей в индустриальном обществе [14, с. 281–282]. С нашей точки зрения, Фромм недооценил позицию Эриксона, который уже в работе «Истина Ганди» размышлял над экзистенциальными аспектами идентичности, и здесь рассуждения обоих ученых во многом сходны, особенно в отношении идентичности выдающихся исторических деятелей.

Параллельно развивались и социологические теории идентичности, которые фокусировались на конструировании индивидуального Я, или идентичности, посредством символических значений в межличностном взаимодействии. Традиционно Дж. Г. Мида считают родоначальником социологического понимания идентичности личности. Под идентичностью Мид понимает способность человека воспринимать свое поведение как связанное, единое целое, это равновесная система импульсивного, внутриспсихического *I* и социального *Me*, что гарантирует успешную адаптацию человека. Следуя мысли Мида, можно сказать, что различные стороны рефлексивного Я должны последовательно синтезироваться в единый образ собственной личности. Когда такой синтез протекает успешно, то возникает *самость* (*self*), которую некоторые авторы называют *идентичностью* [1, с. 43]. Идентичность есть результат постоянного диалога между внутриспсихическим *I* и социальным *Me*, однако при этом идентичность формируется только при помощи других людей, отражая *интерсубъективный космос* социального мира. Мид впервые показал непрерывность внутреннего состояния индивида, обусловленного органичной связью с социальным миром. Отсюда можно начинать социологическое рассмотрение идентичности.

В социологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана идентичность рассматривается с точки зрения социального конструирования реальности и о ней можно говорить лишь в контексте конкретного общества: «Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества» [5, с. 281]. Базируясь на положениях Дж. Мида, авторы предлагают теорию социализации в качестве основы для теории идентичности. Поддержание идентичности индивида в процессе вторичной социализации предполагает желание и возможность участвовать в определенном социальном порядке, то есть занимать определенный статус в обществе, идентифицироваться для себя и других с соответствующим набором социальных ролей, сохраняя свою индивидуальность. Чтобы социальное участие могло удовлетворять индивида, его претензии на идентичность должны быть признаны другими. Тогда идентичность станет реальной для самого индивида [4, с. 88–89].

В эпоху современности целостность идентичности превращается в проблему, поскольку не все социальные роли из ролевого репертуара индивиду одинаково легко совместить друг с другом. Как минимум, для этого приходится регулировать степень вовлеченности в роль,

держат ролевую дистанцию. Например, для аристократа в открытых публичных местах дистанцирование от аристократического аспекта идентичности будет едва ли не единственно верной стратегией поведения перед лицом требований современности. Социальное действие больше не требует участия всей личности, но требует внимательного отношения к ожиданиям окружающих, приучает интерпретировать собственную реальность и реальность других так, чтобы не разрушить нормальность повседневной жизни [5, с. 278–279].

Предельное выражение этой точки зрения мы находим у И. Гофмана, который рассматривал идентичность в условиях множественности социальных ролей. Гофмана можно считать наследником как интеракционистского направления в социологии, так и американской антропологической традиции, которая во многом опиралась на социологию Э. Дюркгейма. Аналитически в теории Гофмана выделяются три вида идентичности: 1) социальная идентичность — типизация личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит; 2) личная идентичность — уникальные признаки, сформированные уникальной комбинацией событий в истории жизни; 3) Я-идентичность — субъективное ощущение индивидом своеобразия собственной ситуации [2]. Наибольшую функциональную нагрузку несет социальная идентичность, состоящая из множества идентичностей, то есть социальных ролей, «масок», которые составляют содержание и формы человеческого поведения. Эти «маски» часто подчиняют себе сущность, или Я-идентичность человека. Жесткий диктат социальных установлений принуждает человека постоянно проигрывать роли, интерпретировать ситуации с помощью предписанных «рамок»², строить стратегии для адаптации и достижения своих целей. Чтобы показать, как человек сохраняет свою индивидуальность (идентичность), Гофман рассматривает феномен «ролевой дистанции». Ролевая дистанция — это необходимое условие выживания человека в сложных и жестких институциональных средах. Чтобы показать, что личность представляет собой нечто большее, чем предписано ролью, индивид вынужден дистанцироваться от социальной роли. В этой способности заключен механизм поддержания уникальности и нормальности человеческой личности, позволяющий сохранить сознание своей идентичности как некоего узла, связывающего все остальные роли.

Современные социологические и психологические теории в основном делают акцент на сконструированности идентичности, которая не рассматривается как нечто устойчивое в силу динамичности современного общества. Несомненно, современные социологи и психологи

² Под «рамками» понимаются имплицитно следующие или эксплицитно заданные определения ситуации [1, с. 212].

во многом опираются на концепции Дж. Мида, И. Гофмана, П. Бергера и Т. Лукмана.

Ж. Лакан видит в личности расщепленного субъекта со своими историями, которые могут меняться, перераспределяя структуру субъективности. Он считает, что нет стабильного Я: индивид не целостный субъект, а фрагментированный «дивид». Согласно П. Бурдьё, любое явление или предмет деятельности — это объекты постоянного конструирования, поскольку представляются нам через слова, которыми описываются. Э. Гидденс в книге «Современность и Я-идентичность» пишет, что люди условиями современности вовлекаются в самостоятельный поиск самих себя [21, р. 12–14]. Социальные структуры современного общества приобретают особую характеристику — рефлексивность. Идентичность формирует индивиду траекторию прохождения через разные социальные, институциональные установления в течение всего жизненного цикла. Гидденс смотрит на идентичность в духе Эриксона — только в связи со своим социально-историческим окружением, технологией и экономикой эпохи, культурной традицией и господствующими воспитательными практиками и ценностями, однако приходит к иным заключениям. Процессы глобализации мирового сообщества теперь проникают в самое сердце человеческой личности — *self*. Я-идентичность теперь предстает как *объект*, который постоянно рефлексивируется, компонуется, переформатируется; переформатируется даже сама способность к рефлексии.

«Базисное доверие», одно из главных понятий в книге Гидденса, заимствовано у Эриксона. То, что Эриксон, по словам Гидденса, называет базисным доверием, формирует первоначальный фундамент, из которого возникает совместная эмоционально-когнитивная ориентация к другим, объективному миру и идентичности [21, р. 37–38]. Гидденс определяет доверие как веру в непрерывность других в объективном мире, имеющую корни в детском опыте. Доверие связано с чувством психологической безопасности. Глобализация порождает тревогу и чувство риска: высокая современность — это «общество высокого риска». Риск и тревога становятся фундаментальными элементами современной общественной жизни. Доверие может быть «эмоциональной прививкой» против тревоги, защитой от угроз будущего и опасностей, позволяющей индивиду сохранять надежду и мужество в любых обстоятельствах. Из него возникает «защитный кокон» (*protective cocoon*), чувство неуязвимости, способность совладать с событиями, угрожающими психологической и телесной целостности. Установление базисного доверия делает возможным выработку Я-идентичности и идентичности других людей и социальных объектов. Однако ответственность за формирование «защитного кокона» в новом обществе берут на себя и социальные институты, они вырабатывают веру в установления повседневной жизни. Стремление к защищенности порождает рефлексивность современных институтов,

которые создают идентичность. Отсюда идентичность становится «рефлексивным проектом», который поддерживается через постоянно изменяющийся нарратив идентичности, контролируемый социальными институтами.

Человек со стабильным чувством идентичности ощущает биографическую непрерывность, а защитный кокон отводит повседневные угрозы его идентичности. Таким образом, Я-идентичность является одновременно и целостностью, и способностью к рефлексии, то есть к «расщеплению», «обдумыванию». Идентичность как «рефлексивный проект» — это новая форма контроля (или власти) в современных условиях, когда институты стремятся «завоевать (колонизовать) будущее» [21, р. 37–38]. Таким образом, заимствуя некоторые элементы интеракционизма, социального конструкционизма и социальной психологии, Гидденс связывает идентичность социальной структурой, показывая, как социальные институты формируют личностную идентичность индивидов, обеспечивая относительно устойчивый социальный порядок.

Однако есть работы по социологии идентичности, которые защищают иную точку зрения. Английский ученый, представитель психоаналитической ориентации в социологии, Я. Крейб в работе «Испытывая идентичность» берет за отправную точку понятие *self* и фокусируется на анализе одного из элементов *self* — *опыта*. Опыт, по его мнению, значительно шире идентичности: «Под опытом я понимаю широкий ряд аффектов, имеющих физические и идеациональные компоненты, которые в свою очередь могут быть сознательными или бессознательными, или комбинацией сознательных и бессознательных элементов. <...> Это прекогнитивное и экстракогнитивное знание, без которого мы не можем быть самими собой и существовать в социальном мире». [18, р. 9–10]. Отсюда, идентичность переживается в опыте, образуя целостное психическое пространство, которое помогает преодолеть трудности взаимодействия с внешним миром, совмещая в себе индивидуальные и социальные компоненты *self* (читай: индивидуальную и социальную идентичности). Крейб критикует Гидденса за то, что тот преувеличивает степень рефлексивности и контроля индивида над своей идентичностью (*self*). Гидденс, по мнению Крейба, механистично трактует идентичность, видит в ней корректирующие и восстановительные реакции в ответ на вторжение рынка в *self* [18, р. 2–3]. Понимание опыта как относительно независимой сферы *self* позволяет держать критическую дистанцию от процессов формирования *self* и сопровождающей их идеологии. По мнению Крейба, такое дистанцирование дает возможность индивиду быть относительно свободным от идеологических определений социальной реальности, что, безусловно, не сделает его счастливым, но, как показывают психологические исследования, (Р. Лэнга, Э. Эриксона, Д. Винникота), обсуждаемые в данной книге, даст возможность развивать творческие

способности. Интересно, что такое суждение перекликается с понятием подлинной идентичности Э. Фромма, которая подразумевает свободу, спонтанность, самосовершенствование и творчество. Крейб полагает, что адекватное исследование идентичности более вероятно в междисциплинарном поле (таких направлениях, как психоаналитическая социология и социология эмоций). Критический анализ Крейба касается всей социологической теории, которая, по его мнению, с трудом справляется с проблемой идентичности. Это касается и структурной теории и постмодернистских концепций. Например, Р. Дженкинс [23] отдает предпочтение социальному, нормативному аспекту идентичности, в этом случае понятия идентичности и социальной идентичности совпадают. Крейб согласен с Дженкинсом в том, что идентичность надо рассматривать как результат постоянного взаимодействия с другими людьми, но это лишь половина целостной картины опыта идентичности. Мы имеем разные социальные идентичности, но я могу потерять *какую-то из социальных идентичностей* (*an identity*), но не *свою личную идентичность* (*my identity*). *Моя* идентичность остается как что-то, что объединяет мои социальные идентичности. Именно моя идентичность трансформирует социальные идентичности [18, р. 4], а потому приходится признавать, что мы одновременно расщеплены и целостны. Впрочем, диалектику целостности и расщепленности признают многие авторы.

Некоторые исследователи (напр.: [20, 21]) утверждают, что нынешнее состояние общества открывает невиданные возможности изменять социальный мир и самим изменяться под его воздействием. С возникновением постмодернистского сознания, согласно К. Джерджену, мы теряем личность, ощущение аутентичности и искренности. Вместо них — чистая доска, на которой можно написать, стереть и переписать свою идентичность. Человеческая идентичность становится более размытой, «вероятностной», виртуализированной. Однако, по мнению Крейба, сколько бы человек ни переживал, стирал и вновь записывал свои идентичности, именно его *Я* проделывает все это [18, р. 7].

В постмодернистской социологии (см. напр.: [22]) идентичность конструируется дискурсивно. С. Холл видит в языке творца социальной жизни. Идентичность предстает как шов между дискурсами, которые «говорят» о нас как о социальных субъектах отдельных дискурсов, и процессами, конструирующими нас как субъектов, о которых можно говорить. Таким образом, идентичности — это точки временного прикрепления к субъективным позициям, которые конструируют для нас дискурсивные практики, это — результат успешной артикуляции, сцепления субъектов в потоке дискурса [22, р. 5–6]. С точки зрения Я. Крейба, мы имеем дело с методологией, которая рассматривает социальное как машину, перемалывающую все, с чем она вступает в контакт. Нельзя видеть в идентичности и опыте исключительно социальные продукты, поскольку «идентичность — это наш

опыт идентичности» [18, р. 168]. Современная социология игнорирует психическое пространство, которое остается относительно свободным от социального контроля за счет соблюдения ролевой дистанции (И. Гофман). Социологию Крейба интересует не социальное конструирование идентичности, а природа социальных условий, которые поощряют индивидов редуцировать свое психическое пространство к той или иной социальной идентичности [18, р. 174].

Теории идентичности разрабатываются и в социальной психологии, которая чрезвычайно близка к социологии. Большое влияние имеет теория, согласно которой социальная идентичность складывается из тех аспектов образа «Я», которые вытекают из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп. Яркие представители этой теории — Г. Тэджфел и Дж. Тернер. Как и в социологии, здесь индивид полностью помещен в социальный контекст, однако социальные психологи пользуются своим понятийным аппаратом при определении понятия «идентичность»: Я-образ, Я-концепция, самокатегоризация и др. Социологи говорят о том же, но с помощью других понятий, идентичность определяется через понятия «референтная группа», «групповое членство», «социальная роль», «социальный статус» и др.

Безусловно, представленный обзор не является исчерпывающим, однако мы попытались обозначить основные направления развития представлений об идентичности. В качестве общих положений, разделяемых наиболее известными теориями идентичности, отметим следующие:

- источник формирования идентичности — социальная и культурная среда, межличностное взаимодействие;
- идентичность предстает как аспект самосознания, осознанности;
- она рассматривается как интегрированное переживание жизненной ситуации;
- идентичность часто выступает как воображаемая целостность;
- идентичность превращается в современном обществе в «рефлексивный проект»;
- она характеризуется как незавершенный проект в силу культурного плюрализма и сложности современного мира, опосредованного виртуальной коммуникацией.

Социальные причины популярности теорий идентичности

Мы полагаем, что возникновение и популярность теорий идентичности обусловлены особенностями социальной структуры общества. Выделим социальные факторы, побуждающие социологов и психологов размышлять об идентичности.

Мы опираемся, *во-первых*, на мысль Э. Дюркгейма о том, что рождение, осознание индивидуальности происходит в обществах с органической солидарностью, то есть индустриальных обществах. С

углублением социальной дифференциации индивиды все более отличаются друг от друга. Каждая индивидуальная личность имеет тенденцию к проживанию в собственном специализированном мире. Современные урбанистические общества требуют, чтобы каждый индивид обладал внутренним Я, то есть, как минимум, мог нести ответственность перед законом за свои действия, был способен к обдумыванию и принятию решения.

Во-вторых, индустриализация привела к удлинению периода детства и юности. Усложнение социальных институтов в связи со сложным разделением труда предполагает получение образования, долгую подготовку к взрослому миру и поиск себя — выбор жизненного пути [4, с. 241–243].

В-третьих, И. Гофман считал, что современное общество символизирует себя в субъективном Я. Вежливость — ритуал по отношению к новому сакральному объекту, индивидуальному Я. Я — идея того, чего вы придерживаетесь, и того, чего другие придерживаются относительно вас. Это означает, что люди при различных типах социальных взаимодействий обретают различные типы самих себя: «Понятие внутреннего индивидуального Я — это не только превалирующий имидж в сегодняшнем мире, а еще и идеал, которым каждый из нас должен обладать по требованиям сегодняшней морали. ... Именно благодаря тому, что мы можем перемещаться среди разнообразия групповых ситуаций, и благодаря тому, что в каждой из этих ситуаций нас поощряют к представлению идеального себя, и возникает этот сложный внутренний комплекс. Одиночное индивидуальное Я может войти в существование только вместе со сложными формами социальной жизни» [9, с. 465–467]. Таким образом, в современную эпоху понятие индивидуального Я приобретает новый модус — модус идентичности. Идентичность фиксирует, что индивидуальное Я формируется в соответствии с современными образцами социального взаимодействия, подтверждает бесшовное соединение личности и культуры, личности и социальной системы.

В-четвертых, дискуссии об идентичности приобретают большую остроту и популярность вследствие социальных кризисов и модернизации (например, в России), которые проблематизируют самоопределение индивидов. В результате разнообразных социальных трансформаций кризис идентичности приобретает массовый характер, становится нормальным состоянием людей, которые ощущают неспособность справиться с внешними социокультурными изменениями, отсутствием жизненных моделей и сценариев. По Эриксону, некоторые исторические периоды можно назвать периодами вакуума идентичности, что обуславливается (1) *страхами*, пробуждающимися вследствие узнавания новых фактов, чему способствуют научные открытия и изобретения, которые быстро распространяются и радикально изменяют весь образ мира; (2) *тревогами*, возникающими в

результате смутного ощущения символических опасностей, которыми грозит упадок существующих идеологий; (3) в пробуждении дезинтегрирующей веры, ужасом от экзистенциальной бездны, лишенной духовного смысла [19, р. 21].

В-пятых, возникает новая модель человека творческого, постоянно находящегося в состоянии конструирования социальных отношений и собственной идентичности. Возможно, поэтому на Западе термин идентичность прочно вошел в обыденное сознание. Отсюда мозаичность социального знания, необходимость расщепления личности на идентичности — и не только в социологических исследованиях — и поиск ее целостных структур, неких гештальтов.

В-шестых, в информационном обществе возникает виртуальная среда коммуникации; особенности этой среды позволяют расширить рамки обычного повседневного общения, экспериментировать со своими личностными характеристиками благодаря анонимности и многообразию сетевых сообществ.

Возможно, одним из самых важных факторов являются потребности самого социологического познания. Общеизвестно, что исследования идентичности начались в рамках психологических исследований личности. Однако в социологии это понятие тоже быстро стало заменять понятие личности. Дело в том, что в рамках структурно-функциональной школы ученые приходили к тому, что личность является пассивным отпечатком культуры и общества, помыслить живого человека было невозможно, непредсказуемость поведения не укладывалась в рамки теории. Например, западноевропейская социология, начиная с Э. Дюркгейма, утверждала, что общество вырабатывает определенные принципы и нормы, регулирующие человеческие отношения и поведение, но не отвечала на вопрос о том, какой смысл и значение имеют для индивида эти нормы. Преимущественное внимание к социальным характеристикам индивидов оставляло за рамками рассмотрение личности как конечного, конкретного, эмпирического, телесного существа, сформированного обстоятельствами своего рождения, своей семьей, своим ближайшим окружением, а также особенностями ее культуры. В свою очередь, акцент на субъективности, характерный для экзистенциализма и многих психологических теорий, приводит к невыразимости личностной неповторимости, индивидуального поиска себя. В связи с этим возникает проблема поиска оснований и методов, которые дают возможность исследовать феномен идентичности, избегая указанных крайностей, демонстрируя изменчивость и постоянство реальной личности, обосновать значимость для личности intersubjectивных, или межличностных, отношений. Теоретическая разработка проблемы идентичности позволяет содержательно раскрыть *сущность конструирования личности в процессе межличностного взаимодействия*, а также реальные пути преодоления объективистских и натуралистических подходов к социальной реальности и личности. В этом смысле введение в научный обиход понятия идентичности

представлялось перспективным решением. Именно поэтому примерно с 1970-х гг. понятие идентичности становится столь популярным в психологии и социологии, дополняя, уточняя, заменяя собой более традиционные понятия. Как пишут социальные психологи, в плане эмпирического «прироста» это мало что добавило к уже имеющимся данным, однако позволило по-новому интерпретировать их. [3, с. 239–240].

Очевидно, что широкое распространение понятию идентичности обеспечили ряд свойств. Это понятие:

- обладает *необыкновенной пластичностью*, оно может обозначать самые разнообразные феномены (вследствие чего, правда, многие критики отрицают его научную ценность);
- как характеристика индивидуальных субъектов социального действия и переменная социальной стратификации оно помогает воссоздать *типичное определение ситуации* участниками социальных взаимодействий;
- позволяет аналитически расщепить личность на идентичности и построить из них *типичную иерархию*, складывающуюся в конкретном обществе;
- дает возможность глубоко изучить *процессы социализации*, учитывая, что на каждой стадии развития формируется новая идентичность;
- позволяет описать *разные виды опыта личности и динамику социальных взаимодействий* в социальных группах;
- обнаруживает *власть социальной ситуации* над индивидуальным Я, показывает, насколько общество контролирует процессы индивидуального сознания;
- дает возможность интегрально описать действующих индивидов, фиксировать единство непрерывности и изменчивости личности, а также относительность ее прошлого и будущего; и тем самым соединить по принципу дополнительности кажущуюся извне фрагментарность Я и воспринимаемую изнутри непрерывность личного опыта;
- позволяет изучить *временную перспективу личности* с учетом того, что «осознание времени своего существования — важное дополнение к осознанию собственной идентичности» [2, с. 162].

В идентичности интегрируются приобретенный на данный момент социальный опыт индивида, результаты разнообразных процессов идентификации, происходящих в ходе социальных взаимодействий индивида на разных социальных сценах. Таким образом придает смысл происходящим событиям.

Концептуализация социологии идентичности

Схватить диалектическую связь между индивидом и социальной структурой общества — вот в чем специфика социологического анализа идентичности, точнее, социальной идентичности, которая выражает: «встроенность человека в социально конструируемые категории. Социальные идентичности и контриденности составляют систему координат, в которой находится социальная позиция индивида.

Такая идентичность — это отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем «на самом деле» он является. Чтобы сделать такое заключение относительно самого себя, человек должен иметь представление о более и менее близких группах, составляющих общество, по каким правилам они живут, как к ним следует относиться» [8, с. 14].

Представляется, что сейчас только наметились пути выделения социологии идентичности как самостоятельной области в структуре социологического знания. Перспективы ее формирования связаны с одной из главных социологических задач — изучением *социальной стратификации*. Вклад данного направления просматривается в изучении:

- динамики социализационных процессов и формирования идентичностей, участвующих в воспроизводстве социальной структуры;
- динамики групповых процессов;
- процессов самоопределения действующих социальных субъектов в рамках социальной структуры.

Социальная структура и идентичность обуславливают друг друга, поскольку «социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже ее переформируя» [5, с. 279]. Социальная стратификация включает постоянное ранжирование социальных статусов в социальной системе, кристаллизацию социально значимых различий, формирующих иерархическую организацию социального пространства. Представителей определенной страты, обладающих сходными жизненными шансами и жизненным стилем, отличает от представителей других страт именно идентичность.

В настоящее время в исследованиях социальной структуры преобладают стратификационные модели, основанные на многомерном подходе, и особое значение приобретает комбинация объективных (собственность, власть, доход, образование, квалификация) и субъективных (аспекты самоидентификации личности и групп с социальными общностями) показателей.

Подобный подход особенно актуален применительно к трансформирующимся обществам, которые (как, например, современная Россия) характеризуются неопределенностью, неясностью стратификационных критериев: «Неясность оснований, по которым структурируется социальное пространство, означает неопределенность правил и норм взаимодействия с различными категориями людей, что обуславливает кризис социальной идентичности», — отмечает С.Г. Климова [8, с. 14]. Эти кризисы выражаются в идентификационных конфликтах и побуждают индивида занять активную позицию по

отношению к собственной идентичности, вырабатывать политику идентичности. «Преодоление кризиса идентичности, — пишет О.А. Борисова, — проходит по новым правилам, актуализируется проблема реидентификаций, изменяется и сам характер новых идентичностей, поэтому важно проследить процесс их формирования» [6, с. 79]. При этом наиболее интересным с исследовательской точки зрения может стать вопрос о возможных способах, факторах и агентах субъективной стабилизации объективной нестабильности. С учетом сказанного можно выделить *основные функции* теории идентичности в социологии, связанные с исследованием:

- источников мотивации, установок, определений ситуации;
- маргинальных ситуаций, которые обостряют чувство идентичности, что позволяет изучать вариации в формировании идентичности и протекании социализационных процессов;
- структуры идентичности: какая идентичность будет определять поведение;
- и, наконец, с исследованием типичных биографических нарративов, объективных и субъективных сценариев, которые выступают источниками легитимации стратификационной системы, то есть исследованием роли идентичности в поддержании социального порядка.

Главные трудности, с которыми связаны перспективы социологического использования понятия «идентичность», заключаются в необходимости его концептуальной проработки и операционализации. Разделение идентичности на личностную и социальную проблемы не решает. Идентичность — это непрерывное формирование, включающее разнообразные идентификационные процессы. Любой нарратив, даже простое проговаривание собственной биографии, может привести к возникновению новой идентичности (и отказу от старой), что отвечает характеру взаимодействий в современном обществе. Идентичность трудно зафиксировать, она многомерна и постоянно ускользает от исследователя. Как отмечает О.Н. Павлова: «В каждый конкретный момент каждый из нас представляет собой комбинацию серий идентификационных компонентов, и эти компоненты могут сочетаться, а их комбинации, в свою очередь, меняться различными способами» [11, с. 107]. Этим объясняется междисциплинарный характер теории идентичности, и лишь при использовании как количественных, так и качественных методов в различных науках — психологии, социологии, истории — можно надеяться на определенные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. СПб: Алетейя, 2000.
2. *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в западной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
3. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.

4. Бергер П.Л., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
6. Борисова О.А. Проблематизация выделения социологии идентичности в структуре социологического знания // Вестник Удмуртского университета. Сер. Социология и философия. 2003. Сентябрь. С. 75–88.
7. Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка–пользователя Интернета // Образование и информационная культура. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 431–460.
8. Климова С.Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 13–22.
9. Коллинз Р. Социологическая интуиция: введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 399–603.
10. Николаев В.Г. Идентичность // Культурология. XX век: Энциклопедия в 2-х т. Т. 1 / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998. С. 238–239.
[<http://www.philosophy.ru/edu/ref/enc/i.html#BM80007>].
11. Павлова О.Н. Идентичность: история развития взглядов и ее структурные особенности. М.: [Б. и.], 2001
12. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб: Питер, 2002.
13. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человечество. 2003. № 6. С. 50–58.
14. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
16. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3/4. С. 158–181.
17. Якимова Е.В. Идентичность психосоциальная // Культурология. XX век: Энциклопедия в 2-х т. Т. 1 / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998. С. 239–241.
[<http://www.philosophy.ru/edu/ref/enc/i.html#BM80007>].
18. Craib I. Experiencing Identity. London: Sage, 1998.
19. Erikson E.H. Life history and historical moment. New York: Norton, 1975.
20. Gergen K. The saturated Self. New York: Basic Books, 1991.
21. Giddens A. Modernity and Self identity: Self and society in late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991.
22. Hall S. Introduction: Who needs identity? // Questions of cultural identity / Ed. by S. Hall, P. Du Gay. London: Sage, 1996.
23. Jenkins R. Social identity. London: Routledge, 1996.